

Memories on Professor V. S. Filatov and my distribution to Yaroslavl State University

A. L. Zhuravlev¹

¹Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 13k1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-524-542

Biographical-Item
Full text in Russian

The history of acquaintance of A.L. Zhuravlev, a fifth-year student of the Faculty of Psychology of the Leningrad State University, with the founders of the Faculty of Psychology of the Yaroslavl State University (the head of the department, professor V.S. Filatov and dean, associate professor V.V. Novikov) in the autumn of 1971 is described. The events that followed Zhuravlev's consent to go to work at YarSU are given: a trip to Yaroslavl, the work of the commission for the distribution of graduates, preparations for teaching the course "Psychology of Personality". The details of the meeting of the Department of General Psychology of the YarSU, which became the last for professor Filatov, are considered. Zhuravlev shares in detail his impressions of interaction with the professor and a sincere person.

Keywords: history of psychology; Leningrad State University; Yaroslavl State University; Faculty of Psychology; V. S. Filatov

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Zhuravlev, Anatoly L. | E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru
| Academician of RAS, scientific director

Воспоминания о профессоре В. С. Филатове и моем распределении в Ярославский госуниверситет

А. Л. Журавлев¹

¹Институт психологии РАН, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Москва, 129366, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2022-3-524-542
УДК 159.9

Мемуары
Полный текст на русском языке

Описывается история знакомства А. Л. Журавлева, пятикурсника факультета психологии Ленинградского госуниверситета, с создателями факультета психологии Ярославского госуниверситета: заведующим кафедрой, профессором В. С. Филатовым и деканом, доцентом В. В. Новиковым осенью 1971 г. Приводятся события, последовавшие после согласия Журавлева поехать на работу в ЯрГУ: поездка в Ярославль, работа комиссии по распределению выпускников, подготовка к преподаванию курса «Психология личности». Рассматриваются детали проведения заседания кафедры общей психологии ЯрГУ, ставшего последним для профессора Филатова. Журавлев подробно делится впечатлениями от взаимодействия с профессором и душевным человеком.

Ключевые слова: история психологии; Ленинградский госуниверситет; Ярославский госуниверситет; факультет психологии; В. С. Филатов

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлев, Анатолий Лактионович	E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН
--------------------------------	--

Введение

Впервые о Василии Степановиче Филатове я услышал в разговоре с Ю. Г. Трошихиной, преподавателем зоопсихологии и сравнительной психологии факультета психологии ЛГУ и научным руководителем трех моих курсовых работ II–IV курсов. Этот разговор состоялся с ней в здании факультета на ул. Красной, дом 60, примерно в конце сентября 1971 г.

© Журавлев А. Л., 2022

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Юлия Георгиевна сообщила мне, что скоро приедут психологи – создатели факультета психологии Ярославского госуниверситета (третьего факультета в стране, после московского и ленинградского). Она также сказала, что они должны будут встретиться с Б. Г. Ананьевым, у которого они собирались просить рекомендации кого-то из наших выпускников для работы по распределению преподавателем нового факультета ЯрГУ. В процессе разговора оказалось, что к ней уже обращался декан этого факультета Виктор Васильевич Новиков с просьбой по возможности подсказать какого-то выпускника, предварительно переговорив с ним, если найдется таковой, согласный поехать преподавать в ЯрГУ. В таком случае ярославцы будут просить Ананьева направить к ним конкретного человека на должность ассистента кафедры общей психологии.

О моем возможном распределении на работу

В этом же разговоре Юлия Георгиевна задала мне несколько вопросов, связанных с моим будущим распределением. Как я помню, они были следующего содержания: было ли у меня место возможной работы, куда я готов был поехать после завершения учебы на факультете? был ли у меня настрой остаться в Ленинграде после выпуска? было ли у меня желание продолжать профессиональную подготовку в аспирантуре факультета ЛГУ? Конечно, все ее вопросы я уже не помню, но перечисленные были точно. В концентрированной форме мои ответы сводились к следующему: «Остаться в Ленинграде я не хочу, но места работы пока у меня нет...».

После этого Трошихина спросила о моем отношении к конкретному предложению: работать в вузе, на новом профильном факультете, в областном красивом древнем городе и недалеко от Москвы. Последнее не понималось и отрицалось мною как достоинство данного места работы, и это было очень искренне с моей стороны, о чем я прямо сказал Юлии Георгиевне. Только позднее я естественным образом вынужден был согласиться с тем значением, которое имела близость от Москвы: короткий путь от Ярославля до столицы для многих, в том числе и для меня, станет дорогой профессионального развития. Тогда бы в это я не поверил! В целом в тот момент я испытывал состояние высокой неопределенности, сомнения и т. п. Конечно, я не мог, не подумав, отказаться от предложения Трошихиной, но психологически не был готов и дать согласие, поэтому мы договорились отложить решение этого вопроса, а сначала встретиться и поговорить с В. С. Филатовым и В. В. Новиковым, причем до их встречи с Б. Г. Ананьевым. Мне было важно увидеть своих будущих «работодателей», как их назвала Трошихина, а я такого слова в то время не знал.

Трудно вспомнить, сколько прошло времени до их приезда на факультет психологии ЛГУ, но его я пытался использовать, чтобы понять и содержание, и качество предложенного мне места работы. А не понимал я очень многое, начиная с того, что такое «ассистент кафедры». Когда же мне

удалось выяснить, что это типа «младшего», «не старшего» преподавателя, и мне назвали фамилии нескольких ассистентов кафедр нашего факультета, то на душе стало теплее... В самых разных проведенных мною беседах все склоняли меня к согласию либо прямо, либо как-то косвенно, по смыслу. Однако все были согласны с тем, чтобы мне увидиться с моими будущими административными руководителями. Ведь речь шла о заведующем кафедрой общей психологии (В. С. Филатове) и декане факультета (В. В. Новикове).

Первая встреча с руководителями факультета психологии ЯрГУ

Наша встреча с ярославцами состоялась в октябре 1971 г., по подсказке времени и места той же Трошихиной, на «пяточке» возле деканата, располагавшегося на 2-м этаже здания, на пересечении разных направлений движения преподавателей, студентов и других сотрудников – это было одно из оживленных мест на факультете.

Разговор действительно проходил в неудобном месте: было шумно, мы стояли на близком расстоянии друг от друга, а чтобы слышать речь, нужно было напрягать слух... Совсем не помню, какое внешнее впечатление они произвели на меня. Скорее всего, я их толком и «не увидел», тем более не рассмотрел, но хорошо запомнил содержание нашего разговора, который вел Виктор Васильевич. Мне показалось, что Василий Степанович был на «вторых» ролях, в беседу он не вступал, не задал мне ни одного вопроса, не подал ни одной реплики, но с большим вниманием слушал и наблюдал. Новиков же, представив себя и Филатова, сказал о нем не только как о заведующем главной кафедрой на новом факультете, но и как об основателе научной психологической школы в Ярославле, о чем я, конечно, ничего не знал. Виктор Васильевич сказал об острой потребности факультета в подготовке и чтении основной дисциплины «Общая психология» для студентов III курса (набор 1970 г.), раздел которой назывался «Психология личности». Новиков подчеркнул, что мне предлагается очень большой объем часов (общие цифры я не запоминал, но они мне и не говорили ни о чем), включавший чтение лекций (2 часа в неделю), проведение семинаров (2 часа в неделю в каждой из 2 учебных групп) и организацию практических занятий по психологии личности (4 часа с каждой группой), и так в течение целого учебного года, а недель в году запланировано 34.

Я никак не мог оценить предложенный объем часов, его трудоемкость и т. п., но меня, как сегодня говорят, «зацепило» то, что было сказано о практических занятиях по психологии личности, которых в таком объеме на третьем курсе нашего факультета не было. Здесь я легко понял, что это (4 часа умножить на 34 недели) очень много, но сразу посчитать не смог. Итоговой цифры я «добился», только вернувшись домой (в общежитие), на 4-ю линию Васильевского острова.

Во время разговора на факультете я задавал Новикову какие-то уточняющие вопросы, содержание которых не могу даже вспомнить, но при этом уверен в том, что они не могли быть существенными, так как предстоящую рабочую ситуацию я представлял плохо, даже неадекватно. Эти вопросы могли лишь свидетельствовать о моей включенности в разговор и заинтересованности в том, о чем говорил Виктор Васильевич.

Хорошо же помню несколько позиций из нашего разговора. Во-первых, ярославцами было подчеркнуто, что они специально обращаются на факультет психологии ЛГУ, на котором студенты получают хорошую методическую подготовку на специализации по кафедре Б. Г. Ананьева (общей психологии), а я специализировался именно на этой кафедре. Во-вторых, Новиков предупредил, что мне будет необходимо выполнить большую подготовительную работу, чтобы «поставить» (я впервые услышал это слово, оно мне чем-то понравилось и позднее я его использовал) такой курс, и что начать его подготовку нужно будет прямо в Ленинграде. Он посоветовал мне купить некоторые последние издания по психологии личности, которых может еще не быть в Ярославле, каким-то образом «достать», получить личностные диагностические методики, собрать учебные программы по данному направлению. О последнем я не имел никакого представления, поэтому у меня не возникало желания этим заниматься. Несколько забегаая вперед, могу откровенно сказать, что этот совет оказался мне очень полезным, хотя я стал ему следовать несколько позднее, к сожалению, не сразу, как говорил Виктор Васильевич. В-третьих, он с некоторой гордостью сказал, что новый факультет, несмотря на его молодость, выполняет крупные хоздоговорные работы по заказам промышленных и других предприятий (организаций), поэтому будет возможность иметь подработку и вести практически значимые исследования. У меня это не вызвало интереса, так как я не считал это важным для принятия моего решения. В-четвертых, Новиков наиболее развернуто говорил о научной содержательности и перспективности моей будущей работы в ЯрГУ, о возможностях научного роста и самореализации на факультете. Только позднее я узнал о том, почему Виктор Васильевич столь подробно описал мне научные возможности своего факультета. В разговоре Новикова и Трошихиной, предшествовавшем нашей встрече с руководителями из ЯрГУ, Юлия Георгиевна дала мне характеристику, в том числе подчеркнула мою мотивированность на выполнение научных исследований и подготовку публикаций (к тому времени у меня их было две).

Все, что говорил на той встрече Новиков, звучало очень убедительно, но воспринималось мною как явное преувеличение возможностей. Конечно, в этом чувствовался его университетский патриотизм, который характеризовал и меня, но по отношению к ЛГУ и его факультету психологии.

Наш разговор завершился тем, что я выразил им согласие поехать на работу в ЯрГУ, и с этим решением они пошли на встречу с Б. Г. Ананьевым.

После разговора я не испытывал ни радости, ни огорчения, однако, хотя и размыто, я почувствовал, что происходит что-то серьезное и важное для меня, что может повлиять на мою последующую жизнь, не только в психологии, но и в целом. У меня возникло легкое чувство тревоги от того, что возросла, причем принципиально, неопределенность моего будущего. Не желая того, я быстро осознал неизбежность предстоящих изменений в моей жизни, которые стали приближаться резко, стремительно... Мне захотелось побыть одному. Взяв в гардеробе свою верхнюю одежду, я решил ни с кем не объединяться для «похода» до Площади труда (остановки общественного транспорта), что практически со мною ранее не бывало. Выйдя во двор, прилегавший к зданию факультета, чтобы направиться к улице Красной, я увидел со спины идущих впереди Новикова и Филатова. Мне было неловко их перегонять, так как я не находил слова, которые при этом мне нужно было бы им сказать, я не допускал также возможности пройтись с ними вместе до площади, как уже со знакомыми людьми, тем более, перегнав, не сказать им ничего. Поэтому я продолжал идти на небольшом расстоянии от них.

Вспоминая, конечно, смотришь на эти ситуации совсем по-другому, чем в октябре 1971 года. У меня, хотя и со спины, была возможность их рассмотреть, и я это делал с любопытством. Оказалось, что Василий Степанович был высокого роста, значительно выше коренастого, «борцовского» вида Виктора Васильевича. На улице Красной дул встречный ветер (обычное дело!), их плащи при этом не были застегнуты на пуговицы, поэтому Филатов регулярно поворачивался назад, ловил полы своего плаща и пытался их поправить. Я неоднократно смог видеть его лицо, которое показалось мне интеллигентным. Несмотря на его большой (по моим студенческим меркам) возраст, он по-прежнему сохранял качества бывшего лидера. Получалось так, что его фигура и походка вызывали у меня больший интерес, и я это осознал несколько позже, пытаясь ответить на вопрос «Почему?». Возможно, объяснялось это тем, что во время нашей встречи у деканата факультета мне больше удалось «познакомиться» с Новиковым, который провел весь наш разговор. Возможно, почему-то еще!?! Но этот четкий образ двух движущихся фигур по улице Красной остался со мной навсегда. Практически всю небольшую дорогу до Площади труда я не только не смог быть в одиночестве, чего мне хотелось сразу после нашей встречи и разговора, но и снова оказался вместе с ними. И это для меня было очень символично! Наблюдая за идущими фигурами Новикова и Филатова, я спрашивал себя: «Хочется ли тебе работать вместе с этими людьми в их городе, университете, на факультете, который они создали?». Ответить на вопрос я не смог не только на той дороге, которая мне запомнилась, но и позднее. Одна-

ко жизнь потом повернулась так, что ответ на этот мучивший меня вопрос совсем не понадобился.

Поездка на факультет психологии ЯрГУ

Через короткое время, скорее всего в том же октябре 1971 года, во время очередной встречи с Ю. Г. Трошихиной, а они были регулярными, она мне с явной грустью сказала, что В. В. Новикова сняли с должности декана факультета психологии ЯрГУ и что произошло это в результате какого-то конфликта в университете с его участием. При этом она посоветовала съездить в Ярославль, самому посмотреть и познакомиться с новым руководством, а уже потом подумать, ехать туда на работу или нет. Она очень сопереживала мне, так как оказалась причастной к нашей договоренности с Филатовым и Новиковым о моем распределении в ЯрГУ.

В районе ноябрьских праздников 1971 г. я заранее планировал совершить традиционную однодневную поездку в Москву: купить самые новые книги по психологии на проспекте Калинина, в «Доме книги», рядом же приобрести новые пластинки фирмы «Мелодия», посмотреть фильм первого экрана в кинотеатре «Октябрь» или «Художественный», посетить выставку в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, вечером побывать на каком-либо спектакле, а после 23 часов 30 минут из Москвы в Ленинград поезда шли каждые 15 минут. Обычно, причем 5 лет живя в Ленинграде, а потом и в Ярославле, я делал такие поездки преимущественно по субботам, но на этот раз решил совместить: последний праздничный день провести в Москве, а первый рабочий день – в Ярославле. Плохо представляя расстояние и тем более расписание поездов между Москвой и Ярославлем, ночь собирался быть в поезде. Оказалось, что поезда до Ярославля шли 4–4,5 часа, поэтому в город я приехал очень ранним утром, быстро нашел факультет психологии ЯрГУ, полностью занимавший красивое 2-этажное здание в центре города (на улице Кирова). Меня удивило то, что продовольственные магазины и учреждения общественного питания начинали работать очень рано, но более всего то, что университет приступал к работе с 8 часов, то есть раньше ЛГУ на целый час.

Войдя в здание факультета, я обратился в деканат на 2-м этаже, где меня с удивлением встретила Татьяна Алексеевна Корнеева, а затем и Владимир Дмитриевич Шадриков, которому я представился в качестве студента V курса факультета психологии ЛГУ, имевшего целью познакомиться с возможным будущим местом работы. Шадриков быстро сориентировался, проявил осведомленность о потенциальном выпускнике, хотя, конечно, не ожидал самого приезда. Он предложил мне посмотреть факультет, прежде всего учебные лаборатории для ведения практических занятий по разным дисциплинам. Учитывая то, что начинался только 2-й учебный год (1971/72) факультета, я был удивлен техническим оснащением лабораторий, которые располагались на первом этаже здания.

Их состояние вызвало у меня положительные впечатления, как-то «подкупило» меня, как и в целом здание факультета, которого, забегая вперед, он лишился быстро, в 1973 году.

Одновременно мне удалось увидеться с несколькими сотрудниками: старшим лаборантом Дмитрием, который, не вставая, сидел во время посещения за столом, с умным интеллигентным лицом и несколько ехидной улыбкой, пробивавшейся сквозь очки и бороду и обращенной в нашу сторону; заведующим учебными лабораториями М. М. Князевым, который передвигался с нами с большой связкой ключей, ловко перебирал их, выбирая нужные. И третий человек, с которым удалось встретиться, был фотограф В. Ф. Шевчук, улыбчивый, интеллигентный, разговорчивый и совсем не походивший, в моем представлении, на фотографа, который в перспективе стал доктором наук, что было закономерным.

Конечно, я спросил Шадрикова о возможности увидеться с профессором В. С. Филатовым, с которым я встречался в Ленинграде, на своем факультете совсем недавно. Владимир Дмитриевич в ответ сказал, что Василий Степанович бывает на факультете редко и сегодня его тоже нет.

Обо всех, без исключения, с кем мы встречались во время «экскурсии» по факультету, Шадриков говорил лестно, даже крайне лестно, подчеркивая всякие заслуги каждого и «преувеличивая» достижения. У меня это вызвало явное недоверие. Вспоминаю об этом с улыбкой, но тогда я не понимал, что вся социальная ситуация в целом не предполагала использование каких-то адекватных оценок сотрудников факультета со стороны декана. Более всего я не согласился с тем, когда Владимир Дмитриевич стал сравнивать наши факультеты, говоря не только о каких-то достоинствах, но и явных преимуществах своего факультета, что у меня вызвало даже легкое раздражение.

Из этого посещения факультета я вынес несколько впечатлений. Во-первых, на факультете уже сложились вполне благоприятные условия для профессиональной подготовки студентов, а состояние учебных лабораторий для практикума по экспериментальной психологии было на хорошем уровне. Во-вторых, я увидел высокую заинтересованность в моем приезде на работу в университет. Об этом можно было судить по тому, как меня встречали, а также по их желанию, чтобы факультет мне понравился. В-третьих, и в свое время у В. В. Новикова, и на этот раз у В. Д. Шадрикова я увидел не просто любовь к факультету, своему делу, а тот выраженный «факультетский патриотизм», о котором я выше упоминал и который у Владимира Дмитриевича проявился в еще большей степени, даже несколько напористой, отталкивавшей при взаимодействии, не оставлявшей в совместном пространстве места для патриотизма другого человека, вызванного каким-то другим факультетом. В-четвертых, меня удивило то, что мы нисколько не говорили о конкретном моем деле, предстоящей

подготовке каких-либо курсов, т. н. нагрузке, о содержании и перспективах моей будущей работы. В тот период я еще не мог четко формулировать свои вопросы обо всем этом, но когда мне приходилось слушать, то содержание я вполне понимал, более того, мог задавать уточняющие вопросы и т. д. Но разговора такого содержания на этой встрече вообще не было.

Основной итог моей поездки в Ярославль мог быть оценен не столько по позитивному, сколько по негативному критерию: у меня не возникло нежелание приезжать на этот факультет на работу, его непринятие в целом или отдельных каких-то составляющих, кроме некоторых высказываний декана в адрес моего факультета ЛГУ. Объективно говоря, я не увидел и того, что меня бы явно привлекло, «загорелось» желание или что-то близкое, похожее. Увидев через какое-то время Ю. Г. Трошихину, которой я был очень благодарен за совет, на ее вопросительный взгляд кратко ответил: «Поеду работать!». Конечно, она хотела услышать о деталях увиденного мною в Ярославле, но я ушел от этого, сказав, что пока мне мало что понятно. И это в полной мере соответствовало действительности!

Заседание комиссии по распределению выпускников

В течение трех месяцев после поездки я занимался другими вопросами, и все, что было связано с Ярославлем, ушло далеко на «задний» план. Но во второй половине февраля уже 1972 года на факультете состоялось заседание комиссии по распределению будущих выпускников нашего курса. Это был второй набор на факультет 1967 года и, соответственно, 2-й выпуск 1972 года. Председателем комиссии был декан факультета Б. Г. Ананьев, а его заместителем – Капитолина Дмитриевна Шафранская, которая готовила на столах небольшой аудитории необходимые документы: список выпускников, показатели их учебы, заявки-приглашения на работу из организаций, учреждений и др. Каждый был в списке не по алфавиту, а в порядке легкости/трудности решения вопроса распределения, причем от простого к сложному. В соответствии с этим списком нас по одному должны были приглашать на заседание этой комиссии. Все мы собирались и ожидали на площадке второго этажа, возле стендов с учебным расписанием занятий. Как только я появился на факультете, мне кто-то из сокурсников сразу сказал, что меня спрашивала Шафранская, попросив подойти к ней, что я и сделал. Капитолина Дмитриевна с грустью в голосе сообщила мне, что из ЯрГУ нет заявки на меня, хотя они точно обещали выслать ее заранее в Министерство высшего и среднего специального образования (не помню какого: РСФСР или СССР). Видимо, что-то не получилось! Она предложила мне подождать, когда через комиссию пройдут все те студенты, на которых были получены соответствующие запросы, чтобы поговорить потом об имевшихся вариантах распределения.

С одной стороны, у меня возникло совсем новое чувство невостремленности, какой-то профессиональной ненужности, а с другой – появившийся

шанс так называемого свободного распределения открывал для меня новые возможности, хотя пока и непонятные. Когда после разговора с Шафранской я вернулся в среду студентов и рассказал им о случившемся, мне стали давать множество разных советов, например: жениться на лениградке и получить постоянную прописку, добиться нового запроса на распределение, спросить о возможностях, имевшихся у нашей комиссии по распределению, никуда не уезжать, а осенью поступать в аспирантуру факультета и многое другое. Сейчас мне удалось вспомнить лишь часть таких «полезных» предложений.

Однако такое состояние неопределенности длилось недолго, жизнь продолжала изменяться резко и всякий раз, как мне казалось, судьбоносно по отношению ко мне. Шафранская, подготовив все документы, пошла в кабинет декана доложить о состоянии дел, чтобы после этого вернуться уже вместе с Б. Г. Ананьевым и приступить к работе. Мы все в напряжении ожидали начала работы комиссии, и в этой ситуации ко мне подошла Капитолина Дмитриевна и рассказала следующее. Когда она сообщила Борису Герасимовичу среди разных вопросов и то, что на Журавлева не получена заявка из Ярославского университета, он, по ее словам, резким движением достал из бокового кармана пиджака раскрытый почтовый конверт, сказав при этом: «Так вот она, эта заявка!». Позднее выяснилось, что он просто не положил полученный документ в общую стопку, хотя и ознакомился с ним. В создавшейся ситуации я, конечно, обрадовался такому повороту событий. На заседание комиссии я был приглашен одним из первых и поставил подпись о своем согласии поехать на работу по распределению в Ярославский госуниверситет.

Во время нашего ожидания завершения работы комиссии по распределению трое наших студентов, включая меня, сгруппировались возле одного из подоконников в узком коридоре – переходе из флигеля дворца к его центральной части, где находились основные аудитории и расписание занятий. В обычные дни здесь студенты не останавливались. Более удобные подоконники – места ожидания – были заняты другими. Неожиданно мимо нас, со стороны деканата, проходил профессор Л. М. Веккер. Увидев стоящих пятикурсников, он остановился, что было естественным в тот день, так как весь факультет, прежде всего его преподаватели, «жили» распределением. У нас состоялся разговор: Лев Маркович спросил о том, кто и куда распределится... Хотя разговор был небольшим по времени, он мне очень запомнился по целому ряду причин. Скажу только о главном. В ответ на его вопрос каждый из нас сообщил о месте распределения на работу. На мои слова о том, что я поеду преподавать в Ярославский госуниверситет, на факультет психологии, он отреагировал живо: «А вот это уже очень интересно!» (стараюсь реконструировать этот разговор близко к тому, как это реально было). Далее Лев Маркович высказал сожаление о том, что он не знает

никого из психологов этого факультета, продолжая рассуждать: «Если же удалось открыть психологический факультет, значит, там должны быть специалисты, но я их просто не знаю». Мой сокурсник, обращаясь к Веккеру, сказал: «Теперь одного из специалистов Вы будете знать!». И вот тут Лев Маркович стал говорить о том, что крайне необходимо, выбрав тему исследования, без всякого перерыва заняться подготовкой кандидатской диссертации, что университет – это благоприятное место для научной работы и т. д. Я попытался включиться в диалог, сказав о том, что поступление в аспирантуру пока не входит в мои ближайшие планы. На это он отреагировал словами, которые не просто мне запомнились, а «врезались» в мою память: «А вот поступать в аспирантуру Вам не будет нужно! Научную работу следует делать на месте: сдавать кандидатский минимум, выполнять исследование и делать все, что потребуется...». Об аспирантуре в тот период я совсем не думал, не понимал, что такое «кандидатский минимум» и т. д., но я был категорически не согласен с Веккером, считая, что серьезное научное исследование требует глубокого погружения, что несовместимо с преподавательской деятельностью. Позднее я понял радикализм своей позиции по этому вопросу, но такое понимание наступило у меня совсем на другом этапе моей жизни.

Скорее всего, именно в этот период я стал думать об опыте распределения студентов первого выпуска (1971-го года) нашего факультета психологии. По инициативе Б. Г. Ананьева в несколько организаций направлялись по два выпускника одновременно или в разные организации, но одного и того же крупного, например сибирского, города. В эту инициативу Борисом Герасимовичем закладывалось несколько смыслов. Во-первых, предполагалось, что процессы социальной и профессиональной адаптации будут протекать несколько легче для распределившихся выпускников. Во-вторых, влияние научных идей школы Ананьева на профессиональную подготовку в других организациях, как минимум, удвоится, а если сработает «групповой эффект», хотя речь шла о диадах, не совсем полноценных группах, то влияние может оказаться и сильнее. В-третьих, а это, как нам говорили, было главным для Ананьева, в будущем могли зародиться «ячейки» научных исследований в области психологии и со временем вырастать в научные центры.

Сама идея была простой и очень заманчивой, но в распределении студентов нашего курса – выпускников 1972 года – она уже не практиковалась. Суровая реальность состояла в том, что организации в регионах Советского Союза не имели возможности сделать заявки на 2-3 выпускников-психологов. Но думать об этом не возбранялось! И я тоже размышлял о возможном «чисто мифическом» напарнике, вместе с которым можно было бы поехать в Ярославль. Интересно было то, что такого сокурсника я просто не нахо-

дил, а его реально и не было, так как все были как-то устроены, хотели чего-то другого, добиваясь именно своего.

Подготовка к работе в ЯрГУ

Только после этого события (распределения) я стал серьезно задумываться над подготовкой к работе преподавателем в вузе и наконец-то обратился к практической реализации совета Новикова, хотя каких-то больших возможностей для этого у меня не было. Первое, что мне удавалось делать, – это регулярно следить за новыми поступлениями научной литературы по психологии, далеко не только по психологии личности, которой издавалось не так и много, и приобретать ее. Несколько раз в неделю после выполнения каких-то дел на факультете я проходил по маршруту, ставшему для меня стандартным: сначала по пути я заходил в какую-нибудь столовую, каждый раз разную, затем в богатый букинистический магазин на улице Герцена, самый известный среди книголюбов, потом – в главный Дом книги на Невском проспекте и только после этого ехал домой. Постепенно у меня собиралась личная библиотека, в будущем оказавшаяся мне полезной и не только в Ярославле.

Второе, чем я стал тоже регулярно заниматься, это всякими способами собирать и приобретать диагностические, прежде всего личностные, методики (опросники, отдельные тесты, комплексные программы обследования и т. п.). Действительно, во 2-й половине 1960-х годов психодиагностика получила интенсивное развитие на факультете психологии ЛГУ, а личностные методики – широкое распространение и в исследованиях, и в практической работе. Наибольшая методическая оснащенность характеризовала работу студентов, специализировавшихся по медицинской психологии на базе Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. Живя в тесном кругу в общежитии, можно было со многими методиками познакомиться и даже при желании приобрести их, чем я активно, к сожалению, лишь короткий период занимался. Все это стало основой моего будущего огромного (по часам) практикума по психологии личности.

И третье: естественно, я должен был посмотреть по своим конспектам содержание того курса, который на 3-м году подготовки нам читал И. М. Палей, и я это сделал; более того, посмотрел конспекты его лекций, которые он читал следующему после нас курсу, но они, по большому счету, различались незначительно, в отличие от лекций Б. Г. Ананьева. В результате я обнаружил, что И. М. Палей давал абсолютно авторские, оригинальные представления о психологии личности, которые радикально отличались от того, что читал студентам о личности А. Н. Леонтьев в МГУ имени М. В. Ломоносова. Именно это меня очень воодушевило: можно делать то, что захочется, или то, что сможешь, – в этом тоже был выход. Содержание курсов по психологии личности, которые читались в московском и ленинградском университетах, мне было изначально неинтересным.

Более всего в этот период я «боялся» спускаемых сверху учебных программ, с которыми я мог бы не справиться, и контроля за их исполнением. Будучи в состоянии полного неведения о том, как разрабатываются курсы лекций, о трудоемкости разработки конкретного курса психологии личности, я стал размышлять над тем, что же я хотел бы. У меня, оказалось, ничего не получалось, я не мог, даже кратко, сформулировать идею этого курса, чтобы обсудить ее, хотя бы с кем-то из сокурсников. Когда я все это осознал, то решил отложить свои «мучения» и заняться дипломной работой. Такое созревание отложенного решения у меня случалось неоднократно...

Начало работы на факультете – первое заседание кафедры

В Ярославль на работу я приехал в начале 20-х чисел августа 1972 года, встретился с проректором по учебной работе университета, секретарем партийной организации (по его инициативе), разместился в комнате на 2 человек в общежитии для преподавателей на проспекте Октября и стал готовиться к поездке со студентами на уборку картофеля в село, недалеко от города. На уборке я проработал со студентами 1-го курса первые 2 недели сентября 1972 года, затем приехал другой преподаватель и сменил меня. Это было неожиданным, так как, выезжая в колхоз (или совхоз), я был готов отработать там месяц, как было положено студентам. На факультете мне объяснили, что это было сделано в связи с предполагавшейся необходимостью мне готовиться к лекциям впервые читаемого курса. Меня это, конечно, удивило и очень обрадовало.

Во второй половине сентября было объявлено первое в начинавшемся учебном году заседание кафедры общей психологии. Этому я был рад прежде всего потому, что наконец-то смогу познакомиться с другим преподавателем из Ленинградского университета, выпускницей аспирантуры факультета философии. Ничего более о ней я не знал, даже фамилии. Я не понимал тогда, причем здесь философия, если речь идет о преподавателе факультета психологии. Признаюсь, что я волновался перед встречей со своими будущими коллегами – преподавателями кафедры... Заседание состоялось в небольшой учебной аудитории первого этажа, участников было настолько мало, что такого «количества» я никак не ожидал, как и того, что никакого другого выпускника ЛГУ, кроме меня, тоже не было. На короткое время до начала работы у меня возникло явное разочарование. Такое чувство было естественным: не понимая, ожидаешь чего-то нереального, а наступает то, что и должно быть в жизни.

Заседание кафедры повел профессор В. С. Филатов, по-прежнему остававшийся ее заведующим. Было объявлено, что это установочное заседание, как я понимал, перед началом учебного года. Василий Степанович обратился к доценту кафедры Ю. К. Корнилову с предложением продолжить ведение этого заседания. Когда речь зашла о моей дисциплине общей психологии для студентов третьего курса, Юрий Константинович пред-

ставил меня профессору Филатову. Он очень оживился, мне показалось, что вспомнил меня по встрече в Ленинграде и в нарушение процедуры ведения заседания позволил себе задать мне вопрос: «А по какому учебнику Вы собираетесь готовить лекции по психологии личности?». Я ответил прямую правду о том, что Б. Г. Ананьев, как декан факультета психологии ЛГУ, не разрешал даже студентам в своих курсовых работах, тем более преподавателям, использовать учебники по психологии. Поэтому при подготовке курса лекций и семинаров по психологии личности я не планировал использовать какие-либо учебники. Было явно заметно, что Василий Степанович был недоволен моим ответом, а чтобы завершить этот диалог, он сказал: «Я Вам помогу!», – хотя чем конкретно, сказано не было.

В целом я удивился тому, что Филатов сделал явную попытку включиться в «мои дела», связанные с подготовкой курса, тем более что работа находилась в самом начальном состоянии. Помню свои переживания: мне не понравилось его «включение», но я старался сдерживаться, так как понимал, что, во-первых, он имел право, а во-вторых, хотел мне помочь.

Этот действительно неожиданный и неуместно возникший диалог вызвал некоторое раздражение у пары человек (не помню, кто они были?!), которые-то и находились на заседании. В этом я увидел проявление какой-то недоброжелательности, причем не столько ко мне, сколько по отношению к профессору Филатову. Не знаю, было ли так на самом деле, но мне показалось, что участники этого заседания уже полностью его «списали в историю» не только как неформального лидера, но и как формального руководителя. К сожалению, это подтвердилось в дальнейшем...

Сразу после заседания кафедры Филатов предложил мне вместе пойти в библиотеку факультета психологии, в которой я бывал в конце августа уже неоднократно. Василий Степанович с какой-то даже гордостью представил меня работнице библиотеки, при этом и мне, и ей неловко было признаваться в том, что мы уже знакомы друг с другом и что я уже всю «перелопатил» библиотечный фонд. Сначала он сказал какие-то общие слова, призывая ее помогать мне нужными книгами, а затем о том, чтобы она позволяла мне, в виде исключения, брать домой учебник С. Л. Рубинштейна 1940 года издания. Он не только понимал, но и прямо говорил об исключении из правил пользования библиотекой, подчеркнуто объясняя это тем, что мне нужно будет разрабатывать очень важный курс по психологии личности. В тот период я не знал, что Рубинштейн был научным руководителем кандидатской диссертации Филатова и в целом Сергей Леонидович выступал для него Учителем в психологической профессии. Помощь мне со стороны Василия Степановича совершалась искренне, как-то по-отечески, поэтому я не признался ему и в том, что книга Рубинштейна была в моей личной библиотеке. Я ее с радостью приобрел в букинистическом магазине Ленинграда, что тогда было редкой возможностью для ленинградских сту-

дентов. Совместное посещение библиотеки с профессором Филатовым осталось в моей памяти одним из наиболее приятных эмоциональных эпизодов. Этот поступок был совершен Василием Степановичем не как функция руководителя по организации учебного процесса, а от души по отношению к новому и только начинающему преподавателю. Мне не показалось также, что это было результатом какого-то ситуативного душевного порыва. Он сделал это спокойно, по-рядовому, без всякого пафоса. Скорее всего, это объяснялось тем, что он был просто душевным человеком.

Завершив разговор с сотрудницей библиотеки, мы также вместе вернулись в аудиторию, где проходило заседание кафедры, а помещения находились в разных концах первого этажа. Пока мы двигались обратно, я напомнил ему о нашей встрече, состоявшейся в октябре 1971 года, на факультете психологии ЛГУ, на улице Красной, в доме 60. Конкретно на это напоминание Василий Степанович не откликнулся так, как мне ожидалось и хотелось бы, а довольно дежурно отреагировал: «Да-да!». Снова забегая вперед, хочу с большим сожалением сказать, что с профессором Филатовым я более ни разу не виделся ни на факультете, ни в каком-либо другом месте.

После завершения описанных событий я спросил у Ю. К. Корнилова о «втором» преподавателе из ЛГУ, отсутствие которого на заседании кафедры я связывал только с организацией уборки картофеля в совхозе. Однако Юрий Константинович рассказал мне о другой причине: выпускница аспирантуры философского факультета ЛГУ завершила кандидатскую диссертацию и готовилась к ее защите, а научным руководителем выступал профессор Б. Д. Парыгин. Корнилов сказал, что эта выпускница (ее фамилия не называлась) планируется для разработки лекций, семинаров и практикума по социальной психологии. Только после такой информации у меня «всё встало на свои места»... Бориса Дмитриевича я знал по книгам как одного из основателей отечественной социальной психологии; несмотря на неуважительное отношение в студенческие годы к социальной психологии, я приобретал его монографии, неоднократно слушал его и других ученых научные доклады на организованных им регулярных конференциях в Ленинграде, слышал о его бывших сложностях на факультете философии ЛГУ, откуда еще до описываемого времени ему пришлось перейти в Педагогический институт имени А. И. Герцена, и многое другое. После услышанного от Юрия Константиновича мой интерес к так называвшемуся «второму» преподавателю резко вырос: если до этого я нетерпеливо ожидал встречи с «родственной душой» из моего ЛГУ, то после рассказа Корнилова я стал воспринимать будущего преподавателя как выпускника другой научной школы в области социальной психологии. Студенты нашего факультета ЛГУ хорошо знали о напряженных отношениях между Е. С. Кузьминым, для нас настоящим социальным психологом, и «философом» Б. Д. Парыгиным, который разрабатывал свою «философскую соци-

альную психологию». Мною предвкушались острые разговоры, споры и т. п. Но по жизни сложилось так, что нам было не до дискуссий по социальной психологии. Благодаря именно нашим с ней отношениям, а речь все время шла о Галине Ивановне Тереховой, без преувеличения, мне удалось выжить, работая в Ярославском университете.

То заседание кафедры было единственным с участием В. С. Филатова, далее все дела вел Ю. К. Корнилов, т. е. уже в сентябре 1972 г. практически я «лишился» и второго своего работодателя из тех двух, в связи с которыми в октябре 1971 года я задавался вопросом на Красной улице: «Хочу ли я с ними работать?». На самом деле в жизни все происходило незапланированно быстро: ведь мои воспоминания коснулись отдельных событий лишь одного года – от конца сентября 1971 до конца сентября 1972 года.

Главная задача, которой мне пришлось активно заниматься, – это разработка, как уже говорилось, курса общей психологии. Мне явно не нравилось название «Психология личности», несмотря на нормативный его характер. Я осознавал это очень четко и отвечал по-своему на вопрос «почему»: личность человека представлялась мне преимущественно социальным или, по крайней мере, социально-психологическим образованием, а мне хотелось думать и рассуждать со студентами о психологических и даже, более того, индивидуальных (по Б. Г. Ананьеву) характеристиках: поло-возрастных, нейродинамических, соматических, психомоторных, темпераментальных и других, то есть в большой степени природно, а не социально обусловленных. В то время это было моим «подростково-профессиональным» убеждением, однако я нашел для себя компромисс – называть свой курс «Психология индивидуальности», что полностью соответствовало научной школе факультета психологии ЛГУ. Приняв такое решение, я вполне успокоился, что было очень важно для меня в тот период.

Однако вскоре из деканата факультета ЯрГУ последовало требование, обращенное ко всем преподавателям, – представить учебные программы лекций, семинаров и практических занятий соответствующих курсов. Ко мне быстро пришло осознание противоречия (или несоответствия), моего внутреннего конфликта: я собирался «давать» студентам психологию индивидуальности, а называться это будет психологией личности. Конечно, бумага бы это «выдержала!» Тогда мне казалось, что любой психолог, увидев содержание моей программы, которая еще не была мною написана, легко поймет, что это не «Психология личности». Что это будет, вопрос оставался неясным, спорным, но для меня было принципиально важно то, что это не будет официально называться психологией личности. И я пошел к декану Шадрикову, чтобы спросить его прямо: «Могу ли я назвать свой курс «Психология индивидуальности»? Я был психологически готов дать развернутое обоснование моего намерения использовать новое, предлагавшееся мною название, а не ожидавшееся по документам. Однако ни-

чего такого не понадобилось, т. к. Владимир Дмитриевич быстро отреагировал и согласился, и принятием моего предложения. По сути, он поддержал не только разработку полностью авторского курса, но и его другое название, непривычное для складывавшихся тогда университетских традиций в Москве и Ленинграде: на третьем году чтения курса «Общая психология» студентам давалась психология личности. Снятие проблем по такому поводу со стороны деканата выступило для меня сильным стимулирующим фактором.

Прощание с профессором Филатовым

В течение следующих 1,5 лет было много всякого, приятного и того, о чем мне тяжело вспоминать, но при этом никак не связанного с профессором В. С. Филатовым, и вот в марте 1974 года на факультет пришло известие о его уходе из жизни. В день похорон я был вместе со всеми факультетскими людьми и совершал все те действия, которые обычно просят выполнять в таких ситуациях молодых людей. Почему-то я этот день очень хорошо запомнил: погода была светлой, даже солнечной и по-мартовски морозной. По совету кого-то из старших, я присутствовал и на прощании, и собственно на похоронах, и на поминании... В другой мир уходил очень крупный человек! Большинство сведений о жизненном и творческом пути я услышал впервые, кстати, как и некоторые другие преподаватели факультета, с которыми мне приходилось обмениваться впечатлениями. Это было тоже характерным, так как жизнь менялась очень быстро!

После похорон Василия Степановича я неожиданно для себя осознал следующее: Филатова как будто никогда и не было на кафедре общей психологии в течение тех полутора лет, которые прошли от последнего заседания с его участием и до его кончины. Неоднократно я задавался простыми вопросами: почему так получалось, если это действительно так? где были его «следы» на той кафедре, которую он создал, возглавлял и проработал несколько лет? в какой же форме они должны были быть? Могли ли как-то иметь отношение к этому его ученики, соратники, последователи? А их было совсем немало, что виделось мне в день прощания с Филатовым... Мне важно было разобраться, не понимая, что это не под силу. И все-таки мне кое-что удалось понять из важного: память о конкретных людях бывает не только «короткой» или «долгой», но и отсроченной, причем сроки могут быть очень разными. Мне, например, понадобилось 50 лет – всего-то ничего для исторического времени, – чтобы осознать не только тот факт, что помню я Филатова, но и то, как я его конкретно помню...

Как чаще всего бывало, крупные персоналии, известные люди оставались яркими представителями своего исторического времени. Так было и с профессором В. С. Филатовым, основная жизнедеятельность которого пришлась на 1930–1960-е годы, по-прежнему недостаточно известные современному психологическому сообществу. За ним в профессии шли мно-

гие его потенциальные последователи... Как мне представлялось в тот период времени, среди них были В. В. Карпов, Ю. К. Корнилов, Г. А. Мурашев, В. В. Новиков, М. М. Рыбакова, А. В. Филиппов, В. Д. Шадриков и другие.

Э. А. Фарапонова о профессоре Филатове

После кончины Филатова мне приходилось не раз участвовать в самых разных разговорах, в которых вспоминали Василия Степановича, но один из них мне хорошо запомнился. Он состоялся у меня с Э. А. Фарапоновой весной (марте – апреле) 1975 года. В то время Эмилия Александровна была ученым секретарем Общества психологов СССР, а я – аспирантом уже очного (с 11 ноября 1974 г.) отделения Института психологии АН СССР. Ее рабочий кабинет как заведующей лабораторией Института общей и педагогической психологии АПН СССР (в профессиональном сообществе его называли «старый» Институт психологии) находился в подвальном помещении здания Института на улице Моховой (Карла Маркса). На этой встрече с Фарапоновой я выполнял функции курьера, передавая ей какие-то документы от О. И. Зотовой, старшего научного сотрудника сектора социальной психологии ИП АН СССР. За время самопредставления ей она спросила о том, какой вуз я заканчивал, как узнал об ИП АНе, почему поступал в аспирантуру не в их Институт, откуда поступал и т. д. Когда же Эмилия Александровна услышала, что я приехал в аспирантуру из Ярославля, то она очень эмоционально отреагировала, даже вскрикнула, что не было характерно для нее, как я позднее узнал. Так реагируют обычно тогда, когда человек в совершенно неожиданном месте встречает своего земляка... Было именно так, хотя при этом ни она, ни я не были ярославцами.

Эмилия Александровна стала быстро говорить о том, что Ярославль – прекрасный город, в котором работали и работают замечательные психологи, и она назвала двух человек: Маргариту Макаровну Рыбакову и Василия Степановича Филатова, совместно с которыми Фарапонова в 1960-е годы принимала участие в организации и проведении целой серии конференций по психологии труда, трудовому обучению и воспитанию – это как раз было по профессиональному профилю работы ее лаборатории и самой Эмилии Александровны. Она очень высоко оценила научный вклад Филатова в формирование этого научного направления, подчеркнув исторические факты создания им соответствующей научно-исследовательской лаборатории на базе Ярославского педагогического института, что было заметным исключением в работе этого Института, привлечения им большой плеяды учеников, организации научно-практических исследований и др. О М. М. Рыбаковой она с удовольствием сказала, что они по-прежнему дружат, встречаются и что ей приятно бывать в Ярославле. Конечно, она знала о кончине Филатова (прошел примерно год!), выразила глубокое соболезнование всем ярославским психологам... Я почувствовал в ее словах искреннее уважение коллеги по профессии и глубокое переживание утраты. Далее

я рассказал ей, что Василий Степанович был первым заведующим кафедрой общей психологии в новом университете (ЯрГУ) – самое первое место моей работы в психологии. Эмилия Александровна сказала мне фразу, которой, к своему стыду, я тогда не придавал должного значения: «Вам, Толя, повезло – успели Вы узнать профессора Филатова!». Во-первых, я не стал ничего отрицать, но на самом деле я все-таки не успел это сделать. Во-вторых, в период разговора с Фарапоновой я был очень «далеко» от «своих» ярославских событий 1972–1974-го годов, хотя прошло всего 4-5 месяцев, а тем более от 1960-х, свидетелем которых была Эмилия Александровна. Мое прошлое активно замещалось, но не вытеснялось полностью под давлением бурно развивавшихся событий в новом Институте психологии и отчасти новой академической науке.

Заключение

Так как данные воспоминания имеют отношение и к профессору Филатову, и к моему распределению на работу в ЯрГУ, я действительно долгое время задавался уместным вопросом: мое восприятие, мои, хотя и очень поверхностные, оценки Василия Степановича как-то повлияли на мой выбор первого места работы, на мое принятие предложения «работодателей» и согласие поехать в совсем незнакомый мне город, университет, на факультет? Приходится признаться, что по жизни я так и не смог ответить на этот вопрос, у меня нет каких-либо оснований это сделать и сейчас.

Бесспорно то, что в моей жизни Василий Степанович был и, естественно, остается, хотя и совсем не познанным мною. Неоднократно «ловил» себя на том, что я по-прежнему, во-первых, переживаю сожаление, что в свое время не успелось мне узнать Василия Степановича в достаточной степени, во-вторых, осознаю, что питаю интерес к содержанию публикаций ярославских психологов, упоминающих либо специально посвященных профессору В. С. Филатову. Читая их с удовольствием, убеждаюсь в том, что в них другой Филатов – большой человек, основатель научной школы, широко известный специалист, крупный организатор, талантливый педагог. Конечно, это он – Филатов, но такого Василия Степановича я лично не знал, о чем можно только сожалеть. Исторически «достался» мне, вошел в сознание, запомнился лишь «мой» Филатов – душевный человек!